

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ГЕРЦЕНА с О. Р. СКАРЯТИНОЙ

Публикация Н. П. Анциферова

Публикуемая ниже переписка Герцена с Ольгой Ростиславовной *Скарятиной* (1834 — ?), передовой русской женщиной 1850—1860-х годов, порвавшей связи с реакционной дворянско-помещичьей средой, к которой она принадлежала по рождению и по замужеству, и связавшей свою судьбу с революционной эмиграцией, представляет живой интерес. Эта переписка является ценным свидетельством влияния Герцена на мировоззрение и быт русской молодежи.

Сведений об О. Р. Скарятиной сохранилось очень мало. Она была женой известного впоследствии крепостника В. Д. Скарятина, удачно названного П. В. Долгоруковым «борзсписцем олигархов» (Петр. Владимирович Долгоруков. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта. 1860—1867. М., 1934, стр. 267). Свою литературную работу он начал корреспонденциями из Италии в «Русском вестнике» 1860 г. В эти годы Скарятин выступал как умеренный либерал, поклонник английского парламентаризма. Однако уже тогда его реакционная сущность проявилась в резких выпадах против революционного движения. В 1862 г. Скарятин основал реакционную газету «Весть». Будучи ее издателем и редактором (вместе с Н. Юматовым), Скарятин неоднократно допускал злобные выпады против Герцена.

Увлекавшаяся передовыми идеями, почитательница Герцена и его сочинений, Скарятина неминуемо должна была разойтись во взглядах с мужем (хотя в своих письмах к Герцену она ни разу не мотивировала свой разрыв с ним идейным расхождением). Из ее писем явствует, что разрыв наступил уже в 1860 г. Желая получить медицинское образование, она покинула Россию и направилась в Италию (с Кавказа через Константинополь). Однако желания стать врачом не было достаточно твердым: разочарованная в личной жизни, неуверенная в своих силах и способности к самостоятельному труду, она решается на самоубийство. В таком состоянии душевного кризиса Скарятина обратилась к Герцену, ища у него нравственной поддержки. Ее первое письмо до нас не дошло. Ответ на него Герцена сохранился (в копии) в «софийской коллекции». Герцен писал:

7 сентября 1860

Письмо ваше я прочитал с вниманием. И могу, кажется, положить руку на сердце, сказать вам мое мнение. Ваша совершенная откровенность, серьезный тон вменяют мне обязанность отвечать вам искренно. Ваша жизнь впереди — а вы хотите ее окончить. Десять строк о влечении, которое сделала на вас природа в Константинополе и постоянное искание *полного* счастья, показывают, как вы молоды душой. Для чего же вы себя лишите жизни? Для чего покинете вашу дочь?

Вы постоянно, как почти все женщины, искали исключительно в одном чувстве, в чувстве любви к мужчине, *полного* удовлетворения, *долгого* удовлетворения. Но чувство любви только <тогда> удовлетворяет и надолго, когда есть другие интересы, т. е. работа, искусство, общие интересы, наконец воспитание детей. Ни одно личное чувство, ежели оно не основано на общем интересе, не достаточно; где ваше безличное святое, что бы вы любили всею душой? Если оно есть — ищите в нем счастья, если нету — раскройте вашу душу: оно влетит, как мотылек, в окно. До сих пор вы были сосредоточены на себе, на домашних, на возле стоящих — вместо того, чтоб смотреть в себя; посмотрите вокруг и не требуйте от людей, чтоб они были идеалы.

Жизнь — вещь случайная — дайте ей случайно окончиться. Речь идет не о праве человека убивать себя или нет. Этот вопрос разрешается ясно из всего воззрения моего, — а вы его знаете, иначе не стали бы писать ко мне; но это поступок слабый — без достаточных причин.

Вы искали человека; люди, встречавшиеся вам, далеко не подходили к тому искомому вашему сердцу, о котором вы мечтали, — вы колебались, страдали и рассердились за то, что вы спрашивали больше, чем встретившиеся люди могли дать. Вам надо было встретить энергию и ум — которые бы вас подавили, натуру сильную и изящную — которая бы вас вела... Вместо этого вы постоянно играли *grim'u**, вам это опротивело, и вы хотите оставить дочь — вы этого не сделаете, я уверен.

Письмо ваше у меня. Позвольте ли мне списать с него копию? Если нет, будьте уверены, что я его отошлю вам, не списывая**.

В своем ответе Герцен повторил мысли, развитые им ранее в романе «Кто виноват?», в статье «По поводу одной драмы» и в главе «Былого и дум» — «Раздумье по поводу затронутых вопросов». Неоднократно возвращался он к этим идеям и в своих письмах.

Письмо Скарятинной вызвало в Герцене не только сочувствие, но и глубокий интерес к ее личности, поскольку содержание этого письма подтверждало сложившиеся у него взгляды на проблемы любви и брака.

Неудовлетворенная ответом Герцена, болезненно самолюбивая и мнительная Скарятинна написала ему обстоятельное «письмо-исповедь», автограф которого сохранился в «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 106):

12 сентября 1860 г.

Я очень рада, что вам захотелось снять копию с моего письма, — вы просите отвечать, и это дает мне возможность еще поговорить с вами; без этой случайности я бы не стала вам писать. Ваше письмо меня не удовлетворило, отчего — и сама не знаю хорошенько, но чего-то я ждала другого. Еще вчера я получила его и долго думала — отчего оно подействовало нехорошо на меня, отчего мне захотелось упрекнуть вас за него. Мне хотелось, чтобы вы написали больше; чтобы вы развили и доказали ваше мнение, а между тем, обращаясь к вам, я сказала, что верю вашей опытности, уму и знанию человеческого сердца — значит, признала вас за авторитет. Вы говорите: нужно жить, а не сказали мне ни одного ласкового, ободряющего слова, которое бы подняло меня в моих глазах. Много я думала и пришла к тому: вы слишком заняты, вы поглощены одной идеей, одной деятельностью. Ваша цель так велика и благородна, что, конечно, перед ней должны исчезнуть интересы одной личности, и, конечно, я должна сказать вам искреннее спасибо и за те немногие слова, которые вы сказали мне; но все же вы далеко уже не тот Герцен, который писал «Кто виноват?», «Сороку воровку», «Доктора Крунова», «Былое и думы», — у того достало бы время и участия и для России, и для меня. Я высказываю вам это потому, что мне кажется недобросовестным поблагодарить вас за письмо и не сказать, что оно подействовало на меня нехорошо. Казалось бы, теперь нужно было только прибавить: копию с письма можете снять, поблагодарить вас за письмо и проститься, а я еще хочу с вами говорить. Я колебалась целый день; мне казалось неделикатным, без крайней необходимости, отнимать у вас время, но я решила следующее: писать вам и попросить вас отвечать мне только в таком случае, если у вас выберется свободное время и будет искреннее желание поговорить со мною; я пробуду здесь еще месяца два — значит, вам не нужно торопиться. Я знаю, что вы меня поймете и сделаете так, как я говорю, поймете, что мне будет грустно получить письмо, написанное так себе, только из приличия, что я предпочту лучше не получить вовсе ответа.

— Вы гсворите, что я искала исключительно в любви счастья, полного удовлетворения. Нет, это не так — меня слишком живо интересуют умственные вопросы, чтобы я могла отступить от них. Любить и только любить может один глупец; такая односторонность немыслима в умном человеке. Я только хотела, чтобы любовь занимала свое законное место среди других потребностей, чтобы ее не считали роскошью или детским препровождением времени, чтобы ее не сводили на степень привычки или стра-

* Здесь: первую скрипку (итал.).

** Повидимому, конец письма Герцена не сохранился, так как Скарятинна в своем ответе ссылается на слова, которых в этом письме нет. — *Ред.*

сти. Меня раздражало и оскорбляло, когда Владимир*, лаская меня мимоходом, или от нечего делать, или в минуту срасти, хотел этим доказать, что любит меня. Если бы я могла ограничиться одной любовью, я бы полюбила Сер.**, который в продолжение четырех лет любил меня самой преданной, нежной, безграничной любовью; его чувство — почти идеал любви; однако я не полюбила его, не видя в нем достаточно силы,

Написано Петром Ильичем Овсянниковым.

„IMPROMPTU PASSIONE.“
ВОСПОМИНАНИЕ О БЕЛЬТОВЬ И ЛЮБЬ.

Музыка М. МУСОРСКОГО. М. MOUSSORGSKY.
Посмертное издание под редакцией В. Г. КАРАТЫГИНА. Ouvrage posthume rédigé par W. G. KARATYGUINE.

*Andantino amoroso.
pp e sempre legato.*

PIANO. *pp*

Copyright 1911, by W. Bessel et Cie.
St. Petersburg et Moscou.

**«IMPROMPTU PASSIONE. ВОСПОМИНАНИЕ О БЕЛЬТОВЕ
И ЛЮБЕ». МУЗЫКА М. П. МУСОРСКОГО**
Страница первая

Посмертное издание сочинений М. П. Мусоргского под редакцией
В. Г. Каратыгина, СПб. — Москва, 1911 г.

энергии, которая кладет отпечаток на каждое слово, придает ему самостоятельность. Вы говорите: «Где ваше безличное святое? Если оно есть — ищите в нем спасения». В том-то и беда, что его слишком много, что оно слишком обширно. У меня одна из тех несчастных энциклопедических натур, которые равняются нулю. Я всему сочувствую, всем увлекаюсь до страсти, оттого-то, доживши до 26 лет, я и не сделала ничего. То мне кажется, что нет лучше деятельности, как медика, и хочу им сделаться. Я помню,

* В. Д. Скарятин. — *Н. А.*

** Кого имела в виду Скарятин, остается невыясненным. — *Н. А.*

как умирал мой сын, и мне кажется, что доктор был невнимателен, равнодушен, и мне кажется, что я бы помогла ему. Я помню один страшный вечер — я была у постели умирающего, он со стонами, слезами, раздирающим душу голосом молил дать ему лекарства; он держал меня за руку и все твердил: полечите меня, я выздоровлю. Он оставил жену и дочь без куска хлеба. Боже, как он страдал! Страшно вообще умирать в таком положении, но думать: «Только бы были деньги на доктора, на лекарства, и я бы выздоровел», — это ужасно. Ему уже нельзя было помочь, а когда было можно, доктора не поехали, потому что ему нечего было заплатить. Я помню в деревнях тех несчастных больных, которые страдали, лишенные всякой помощи; мне видятся все эти слезы, страдания, и я страстно хочу им помочь. Мне кажется, что женщина будет лучшим медиком, чем мужчина, в ней больше нежности, внимательности, которые так нужны больному; она скорее угадает душевную болезнь. И кажется, что я многое, многое разгадаю, узнаю, чего еще люди не знают. То я живу политикой. Еще вчера, думая, что Александр <II> соединится с Австрией, я волновалась, как юноша, не могла уснуть; тысяча планов составлялась в моей голове, негодование душило меня, я видела русский народ униженный, несчастный, лишенный самых насущных человеческих прав, я хотела помочь ему, пробудить в нем сознание. То хочется изучить все социальные вопросы, найти самую лучшую, короткую дорогу к прогрессу, создать норму идеальной жизни в ближайшем будущем, облегчить хотя сколько-нибудь страдания людей. То, увлекаясь изучением природы, хочу додуматься до тайны мироздания, понять все: эти чудные законы, жизнь, смерть, связь души и тела, все эти странные, таинственные силы. Да, что перебирать? Нет такого сухого предмета, который бы казался мне сухим, — я увлекаюсь и сельским хозяйством. Видя, какой громадный труд употребляют крестьяне для обработки земли, видя, как этот труд превращает их в машину, не оставляя места духовной жизни, я мечтала о приложении наук к земледелию, об увеличении производительности земли и человеческого капитала. Да и действительно, разве есть хоть одна наука, которой бы не стоило отдаться всей душой? Как же выбрать одну? К специальности нужно подготовиться с детства; нужно подвигнуться по одной какой-нибудь дороге, еще не понявши, что все дороги равно прекрасны, еще не полюбивши их всей душой.

16 сентября

Я совсем больна и хочу, пока есть еще силы, кончить это письмо. Меня мучает потребность в действительной деятельности, я хочу видимых, положительных результатов, чувствуя, что нужно выбрать специальность. Меня не удовлетворяет более эта мечтательная жизнь, которая вся состоит из одних стремлений. Я приехала сюда с намерением слушать курс медицины, но вижу, что это почти невозможно; нужно бы было несколько лет усиленного труда, а моей дочери скоро шесть лет, — она делает мне бездну вопросов, на которые я не умею отвечать. Нужно все знать, а я ничего не знаю; приходится начинать все с азбуки, потому что в детстве я не приобрела и тех ничтожных знаний, которые обыкновенно даются у нас женщинам. Мне нужен труд, громадный, постоянный, а я одна с моей дочерью, — она беспрестанно говорит со мной, скучает одна, характер ее портится — и я не знаю, за что взяться. Я дошла до страшной разладицы. Вы видите, что я не расплываюсь в одних туманных стремлениях — быть полезной непосредственно человечеству, я бы с радостью заключила свою деятельность в самый тесный круг; но как это сделать, с чего начать? Два месяца тому назад во мне было много энергии, все казалось возможным, потом, вы знаете, во мне явилось сомнение в своих силах, в порядочности моей натуры, сомнение привело меня к полному разочарованию в себе — в это время я вам писала, потом силы оборвались, как обрывается слишком натянутая струна. Во мне явилось какое-то равнодушие к своему положению, я перестала страдать, я перестала думать о себе; у меня нет сил думать, потому что думать и не страдать — невозможно. Нельзя назвать апатией мое настоящее состояние, потому что, например, политика интересует меня в высшей степени, — все это время я с самым живым интересом слежу за ней. Я только не думала о себе. Я помню только, что решила умереть, что убедилась в необходимости этого, но я только помню; теперь я не сознаю, не чувствую этой необходимости. Может быть, к этому состо-

янию привело меня то, что мне нужно еще долго жить: муж мсй 9-го сентября был еще на Кавказе, а я не могу ничего предпринять, пока не получу от него ответа. Я надеялась, что к двадцатым числам сентября или он здесь будет, чтобы взять Надю, или я уеду в Россию. По натуре своей я очень деятельна, я не могу быть минуты в бездействии; между тем, теперь я не могу ни за что взяться, зная, что через два-три месяца нужно умереть.

18 сентября

Вот и еще раз принимаюсь писать вам. Может быть, было бы лучше совсем не писать. Но так как нужно написать хотя несколько слов, я не могу не высказать всего. Рассуждая, я не нахожу за что бы вас упрекнуть, но какое-то инстинктивное чувство говорит мне, что вы неправы, — письмо ваше слишком неудовлетворительно. Вы говорите: «Жизнь — вещь случайная, и дайте ей кончиться случайно». Потом «самоубийство — поступок слабый, без достаточных причин», потом вы говорите, что я употреблю слово *падение* неправильно, — «*падение не то*». Да разве самоубийство не есть такая же случайность, как и все другие? Известное сцепление случайностей привело меня к разочарованию в себе, а это последнее к мысли о самоубийстве. Могло бы случиться, может быть, иначе, могло бы случиться, что я не имела бы случая убедиться в своей слабости, была бы счастлива, стала бы жить, — все это случайности. Я не знаю, вообще ли вы считаете самоубийство слабостью или только для меня находите это поступком без достаточных причин? Я думаю, что вы это сказали только относительно меня. Да каких же нужно причин? Для меня жизнь — мученье; я не могу быть счастлива; к деятельности я не приготовлена — значит, не могу быть полезна; близким моим я могу дать только горе; нравственное влияние мое на дочь может быть только вредно (признавая, что мой взгляд на мое прошле верен). Ведь жить, так нужно же иметь цель, а когда я знаю, что ни до одной цели я не дойду? я думала: религия — результат слабости людей; чувствуя потребность в утешении, в опоре вне себя, они создали религию; потерявши все, они еще надеются на счастье за гробом; там, где разум ясно доказывает невозможность надежды, они надеются на чудо; там, где неверующий доходит до разочарования в себе, до презрения к себе, верующий плачет, молится и верит, что раскаяние искупляет его падение. Все это очень выгодно, но такое жалкое, маленькое, ничтожное. Я хотела развить мою дочь насколько возможно правильнее, я верила, что она будет сильна.

Иногда я думала, что не лучше ли дать ей веру с детства, что после, если достанет сил, она и сама дойдет до отрицания; но потом, думая о той борьбе, чрез которую она должна будет дойти до отрицания, о том, сколько сил на это потребуется, о том, наконец, что религия кладет нелепый отпечаток на весь характер, лишает самостоятельности, ограничивает мысль, не дает простора анализу, — одним словом, сравнивая выгоды и невыгоды религии, я решила исключить ее. Дочь моя совершенно самостоятельна и свободна; я могу ей только советовать, и она имеет право сказать мне, что не хочет слушать моего совета, и сделать по-своему. Дисциплины нет и тени. Вы понимаете, какого постоянного внимания, какого спокойствия с моей стороны требует эта система. Вы знаете, сколько я страдала в последнее время. Я не имела буквально минуты покоя, я была нетерпелива, раздражительна, невнимательна, и характер Нади очень испортился. Вы видите, какой громадный труд я взяла на себя, какую страшную ответственность, принявши эту систему воспитания; и теперь, когда я потеряла веру в себя и в свои собственные силы, как я буду продолжать воспитание Нади? Отчего вы не сказали, что, по-вашему, *падение*. Я создала себе убеждения, у меня достало сил их сознать, но я отступилась от них в жизни — разве это не падение? Я не знаю теперь сама, что со мной будет, на что я решусь. Я в самом странном состоянии духа, которое, впрочем, объясняется теперь болезнью — и болезнь-то странная: я ослабела до того, что едва сижу, как будто долго была больна. Все мое несчастье в том, что у меня постоянно являются эти перерывы. Теперь я не страдаю, не думаю, силы опять укрепятся, и я сделаюсь способна вынести новые страдания. Не будь этих перерывов, я бы, может быть, и половины не вынесла бы того горя, которое пережила: я думала, что можно будет скоро умереть, а теперь приходится ждать и жить самую нелепою жизнью. Минутами является во мне жизнь, энергия, но все это только порывы, я сейчас же чув-

ствую, что нельзя жить с моим прошлым. Я чувствую потребность сделать что-нибудь, а глупо же делать, когда нужно умереть. Ничего нет страшнее, как вдруг перемениться. Как мне неловко получать теперь письма от людей, которые знали меня два года тому назад, которые привыкли ставить меня очень высоко; они говорят мне о том, как полезно мое влияние на них; они отдают мне отчет в своих действиях, рассказывают с радостью о том добром, что они сделали, ждут моего одобрения, приписывают это все моему влиянию; сознаются мне в дурном, как будто перед олицетворением совести. Как мне неловко, совестно; я их не обманывала прежде, а мне кажется, что точно обманывала; точно я присваиваю себе что-то, мне больше не принадлежащее. Чем выше они ставят, тем больше я чувствую себя униженной, тем больше мне и обиднее и за себя и за них. Неужели теперь вы скажете, что это не падение? Нет, мое чувство не обманывает меня. Теперь я говорю вам только факты, которые я понимаю, но не чувствую; теперь я не думаю о смерти, не страдаю, но я понимаю, что когда я опять сделаюсь способна чувствовать, я не буду в состоянии жить. Я думаю, что верование в переселение душ явилось в первый раз в уме человека, который находился в положении, подобном моему. Я вспоминаю прошлое — сердце рвется к нему, а возврат невозможен. Однако будет писать, я уж не возражаю давно на ваше письмо, а просто говорю о себе, высказываю все, что думаю и чувствую, забывая о вас. Когда пришлете мое письмо, напишите мне, почему вы хотели иметь с него копию. Прощайте. Какой вы счастливый — вы умеете быть полезным, может быть поэтому вы и не можете понять, как мне тяжело жить.

О. Скарятин а

18 сентября 1860 года. Флоренция.

Рукou Герцена: Florence. Olga Skariatine
Via Maggio caro, Grazzini.

Упреки Скарятиной Герцену, как видно из его письма от 7 сентября, были лишены основания. Преследуя «великую и благородную цель», Герцен никогда не забывал «интересов одной личности». На первое письмо Скарятиной он отвечал немедленно, ободряя ее и выражая уверенность, что она одумается и откажется от мысли о самоубийстве. Ее второе письмо Герцену заключало в себе самоосуждение наряду с плохо скрытым самовосхвалением.

Скарятин а не принадлежала к тем, кого Герцен называл «нигилистками». Она ближе к тому типу, к которому Герцен относил супругов Энгельсонов, к типу, сложившемуся, по его словам, в конце 40-х годов, до появления Чернышевского (XIII, 599), к типу людей «образованных», «даровитых», но «нервных, болезненных и поломанных».

Герцен ответил и на второе письмо Скарятиной. Ответ этот до нас не дошел, но о содержании и тоне его мы узнаем из ее ответного письма. Оно датировано 7 октября и относится к тому же 1860 г. Автограф его также сохранился в «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 106).

7 октября 1860 г.

Спасибо вам, добрый, милый Герцен, за ваше письмо. Если бы вы знали, как я ему была рада, вы бы были удовлетворены. Теперь я верю вашему участию. Я хочу ему верить. Теперь вы мне сказали то ободряющее слово, за недостаток которого в первом письме я вас упрекнула. Как хорошо я сделала, написавши вам, — я одна здесь, совсем одна, более месяца, как я не получаю писем, а теперь мне нужнее, чем когда-нибудь, слово участия и ободрения, и потому вы, зная уже, какая симпатичная для меня ваша личность, поймете, как я была рада вашему письму.

С тех пор, как я писала вам, во мне произошла перемена и такая странная, что я хочу вам сказать о ней. Я, кажется, писала вам, что ослабела не только нравственно, но даже и физически до того, что перестала даже думать о себе, — потому что думать и не страдать не могла, а страдать не было больше сил. Однако это состояние не было полная апатия; я следила с живым интересом за политикой, и голога моя работала с каждым днем деятельнее. Теперь я чувствую в себе новый прилив сил и энергии, опять мне кажется, что я многое, многое сделаю. Вы видите, что были правы, говоря, что я

еще не отжила; но вот вопрос теперь: справлюсь ли я с этими вновь вспыхнувшими силами? Я не в нормальном состоянии, я не покойна, я не вполне сознательной жизнью живу. Этот поток сил бессознательно, независимо от меня, увлекает меня в жизнь; но ведь я себя не оправдала, я не доказала себе, что чувство мое к Ухт<омскому> не унизило меня безвозвратно. В моем сердце сделалась такая странная вещь, что я не знаю, как и назвать ее: мое прошлое стало мне как будто чужое; мне оно кажется нелепостью, которая не могла быть; только память говорит мне, что все это было действительно.

24 октября

Я не кончила мое письмо за один раз, а на другой день у меня не только не было желания вас поблагодарить за ваше письмо, но оно меня раздражило, огорчило и я не могла писать. Потом мне все казалось, что я должна написать вам, поблагодарить вас за ваше письмо, но я хотела сделать это искренне и до сих пор не могла. Сегодня на меня напало светлое и спокойное состояние духа; я прочитала ваше письмо и хотя впечатление его почти то же, что и на другой день по получении, но оно меня не раздражило, и я вас оправдала; я поняла, что иначе вы не могли написать; я увидела, что я была не логична, желая найти в нем... Впрочем, зачем говорить о том, что я хотела найти и чего не нашла. Я рада, что я поняла, что вы правы; я рада, что ваша личность опять стала такой же светлой и человеческой, как была прежде; я рада, что сегодня могу вам искренне сказать спасибо за письмо ваше. Я посылаю вам мой портрет: мне, на вашем месте, узнавши чью-нибудь жизнь так коротко, как вы узнали мою, непременно бы захотелось вообразить себе лицо этого человека — лицо многое может сказать, меня оно никогда не обманывало. Направо от меня — мой муж*.

Я упоминала в моем первом письме об Акимовой; эта женщина умная, добрая, развита и с самым горячим желанием быть полезной. У ней есть маленькое состояние, она рвется к деятельности и выскидывает средства как бы полезнее, лучше употребить свое состояние. Перед моим отъездом она хлопотала о составлении филантропического общества, цель этого общества «делать добро во всех его видах»; оно должно было быть тайным. Я, находя, что цель слишком туманна, неопределенна, что тайные общества вообще почти бесполезны, а в России ведут только к тому, что, возбуживши подозрения правительства, губят лучших членов, предложила ей основать общество на других началах. Мой план мне кажется довольно практичным и сообразным с деятельностью разных лиц. Если Акимова согласится привести в исполнение мою мысль, — я пришлю вам мой план, потому что прежде, чем просить разрешение правительства, я хочу, чтобы вы поправили этот проект. Если я умру прежде получения ответа Акимовой, я ей напишу, чтобы она ничего не предпринимала без вашего совета. В таком деле, конечно, у вас не будет недостатка ни во внимании, ни в участии.

Теперь еще мне хочется сказать вам одну мысль. На днях, прочитавши, что Декарт в высшей степени логически разумно, ясно выводит существование бога, я с жадностью принялась его читать; прочитавши три или четыре страницы, я бросила, мне показалось это просто глупостью. Мне пришло в голову несколько возражений, их то я и хочу вам сказать:

Бог бесконечен, совершенен, свободен, всемогущ и проч.

Бесконечность может быть только одна, — если более, начало другой будет конец первой. Творить — значит создавать что-нибудь вне себя, а у бога не могло быть вне себя, если он бесконечен.

Совершенство может быть только в одном виде и, или бог не был совершен<енен>, когда не творил, или когда сотворил.

Если бы он был свободен и всемогущ — все существующее должно бы было быть совершенно: он как совершенство не мог бы пожелать несовершенного.

Это главные возражения. Сперва я ими удовлетворилась, но теперь меня мучает сомнение в их справедливости. Мне кажется моя мысль такой простой, такой математической истиной, что я начинаю думать, что она просто нелепость, — не может быть, чтобы такая простая вещь (если она справедлива) не пришла в голову ни одному из

* Местонахождение этого портрета неизвестно. — Н. А.

всех этих гениальных людей, которые занимались философией. Я начинаю думать, что моя мысль — игра слов, загадка, самая бессмысленная, и все дело в том, что я не могу догадаться — в чем тут фокус.

Не сетуйте на меня, что еще вам надоедаю своими вопросами. Если бы вы знали, как меня мучает разрешение этого вопроса, а кроме вас мне некого спросить. Вы занимались философией, вы все читали, думали обо всем, значит, вы можете мне сказать, была ли эта мысль высказана и опровергнута; если да, то где, кем именно; если нет, вы скажете ваше мнение. Конечно, в том только случае, если найдете, что мысль моя верна, если же она бессмыслица — не стоит, чтобы вы трудились и отвечать, — не получивши ответа, я буду знать, что моя мысль нелепая. Но если моя мысль верна, буду жить, буду работать над ней, разовью ее в систему.

Прощайте. Еще раз благодарю вас за письмо. Пожалуйста, не считайте себя обязанным отвечать на это письмо. В одном только случае: если моя мысль верна, вы должны отвечать, потому что тогда на сцене уже не моя личность, а просто мысль, которая может быть полезна.

Прощайте.

О. Скарятин а

Ответил ли Герцен на это письмо — установить не удалось.

В последующие годы Скарятин со своей дочерью Надей жила в Италии. Повидимому, здесь она встретила с Л. И. Мечниковым — видным представителем «молодой эмиграции», гражданской женой которого стала.

В конце 1864 или в начале 1865 г., в Швейцарии, состоялась встреча Скарятиной с Герценом, который позаботился об устройстве в пансион ее дочери. Надя была помещена в пансион Фрелиха, о котором Герцен собрал положительные отзывы и куда поместил также свою дочь Ольгу. Однако Фрелих не оправдал его надежд. В письме к М. Мейзенбуг от 26 января 1866 г. Герцен писал: «Надю взяли от Фрелихов. Прошу ли я когда-нибудь нам всем и себе этот дурацкий опыт!» (XVIII, 325).

Судьба Скарятиной продолжала интересовать его. 1 августа 1866 г. он писал Н. А. Огаревой: «...я с ужасом смотрю на растущую бедность Мечниковых и всех остальных». Бросив упрек Н. А. Тучковой-Огаревой по поводу ее презрения к деньгам, Герцен продолжает: «...а тут мы же удивляемся поведению Скарятиной... — она спасает кусок хлеба Наде. Какая работа ей достанет его?» (XIX, 37).

Войдя в среду «молодой эмиграции», Скарятин разделяла с ней все тяготы быта. Л. И. Маклакова писала в своих воспоминаниях: «Льва Ильича <Мечникова> угнетала мысль, что жена <его> жила раньше с первым мужем в довольстве и роскоши, не посмевшая оставить его, чтобы соединить свою судьбу с бедным эмигрантом, и, несмотря на всю талантливость, на постоянную упорную работу и все усилия, он не мог доставить ей хотя бы только спокойного и безбедного существования. Он обожал свою жену» (рукописный отдел Государственного литературного музея).

Публикуемые ниже документы из архива III Отделения бросают некоторый свет на дальнейшую судьбу Скарятиной как человека, прочно связавшего себя с революционными кругами. Документы эти отражают некоторые эпизоды из истории борьбы русской реакционной печати против Герцена и его «Колокола».

1 апреля 1866 г. в л. 219 «Колокола» Герцен напечатал статью «1789», в которой сообщал об оппозиционных по отношению к правительству выступлениях реакционеров на собрании петербургского дворянства. «Ломайте, господа, ломайте лучше всего друг друга...», — восклицал Герцен, выражая надежду на неизбежное ослабление правящего лагеря в связи с растущими внутри него раздорами (XVIII, 365).

Приехавший весной 1866 г. в Женеву Скарятин отправил 17 апреля в свою газету корреспонденцию «Из Швейцарии», в которой со злорадством писал об упадке влияния «Колокола» и резко полемизировал со статьей «1789», обвиняя ее автора в том, что он интригами или клеветой старается «подорвать доверие между властью и дворянством» («Весть», 1866, № 30 от 21 апреля). Появление в газете этой корреспонденции

денщи совпало с кампанией, поднятой реакционной печатью в связи с выстрелом Каракозова. Скарятин не замедлил присоединиться к этой кампании. В № 29 (от 18 апреля 1866 г.) «Весть» напечатала письмо, полученное из Женевы, в котором утверждалось, что «истинная цель» покушения Каракозова «должна быть в замыслах революционеров всемирной пропаганды». Для того, чтобы придать видимость доказательности этому утверждению, автор письма прибегнул к провокационному намеку: «В Женеве (где издается „Колокол“ и другие революционные славянские издания) журналы печатали 6/18 апреля, что преступник — русский; люди, заведомо состоящие в сообщничестве с революционерами всех народов, утверждали, что преступник не только русский, но дворянин. Откуда знали они это 6/18 апреля утром, когда в Петербурге сделалось известным только 12/24 апреля — имя и звание преступника?»

Это письмо вызвало негодующий протест со стороны русских, проживавших в Женеве. Протест был направлен ими в «Колокол», но Герцен не напечатал его, а ограничился заметкой «Не стоит», в которой убеждал авторов протеста отказаться от их требования: «...нам кажется, что подымать эту тысяча первую клевету не стоит» (XVIII, 403).

Скарятин, не сомневавшаяся, что автором клеветнического письма был ее бывший муж, написала ему по этому поводу письмо (от 15 мая) с выражением своего крайнего возмущения. К этому времени Скарятин уже вернулся в Петербург, и письмо попало в руки III Отделения, в делах которого сохранилось его подробное изложение с обширными выписками:

«Выписка из письма без подписи из Женевы от 15 мая н. ст. 1866 г. к Владимиру Дмитриевичу Скарятину в СПб. в редакцию газеты „Весть“
к № 401

В начале <О. Р. Скарятин> говорит о „литературном доносе“ в газете „Весть“ на учителей пензенской гимназии.

Затем другой факт: вы пишете, что в эмиграционном кружке 6-го числа уже знали наверное, что стрелявший был не только русский, но и дворянин. Это донос и клевета в то же время. Никто этого не знал и даже „Колокол“ опоздал, потому что Герцен ждал известий. Из нашего кружка только я одна видалась с вами, но ведь не я же это вам сказала. Неужели же вы так исказили как-то раз высказанное мною предположение, что, может, это и крепостник стрелял. Я помню, что я вам тогда же говорила и давала даже честное слово, что это не нашей партии дело, что нам это страшно повредит и прибавила: „Это сделал или какой-нибудь фанатик или крепостник“.

Далее Скарятин обвиняет его в клевете на партию, в том, что на основании предположения он передает людей в руки кровожадного Муравьева. „Царя выстрел не ранил, а нас всех доканал“. За клевету вы получите деньги и это наследие оставите Наде» (ЦГИАМ, ф. III Отд., 2-й секретный архив, 1866 г., д. 174, ч. 401).

Скарятин, уличенный в клевете, прибегает к грубому маневру, чтобы отвести от себя обвинение. В № 36 «Вести» он напечатал «Важную поправку», в которой заявлялось: «Не желая вводить в заблуждение кого бы то ни было, мы считаем своим долгом пояснить, что один из редакторов „Вести“ находился в то время в Женеве и ничего подобного не слышал» (XVIII, 403). Далее он высказывал предположение, что мифический автор письма был введен в заблуждение известием английского журнала «The Owl», который «напечатал, что преступник есть русский дворянин».

К выписке из письма Скарятиной агент III Отделения приложил справку о ее личности:

к № 401—66

С п р а в к а. Особа, писавшая прилагаемое у сего в выписке письмо, — жена В. Д. Скарятин, с которой он уже не живет лет пять или шесть. Она познакомилась во Флоренции с известным другом Бакунина и Герцена — Владимиром Мечниковым*

* Ошибка: речь идет о Льве Мечникове. — Н. А.

и с тех пор находится с ним в любовной связи. Они проживают в настоящее время в Женеве, где Мечников участвует в редакции «Колокола» и куда недавно ездил сам Скарятин с целью устроить дело о разводе с женой. Надя, о которой упоминается в письме, — дочь Скарятина, которой он постоянно высылает деньги на воспитание. Мечников пишет в «Современнике» под псевдонимом *Леона Бранди*. В. Д. Скарятин в скором времени опять отправится за границу, где он намерен пробыть до августа месяца.

12 мая 1866 г.

На полях: Участие Мечникова в редакции «Современника» и в редакции «Русского слова» обнаруживается и последующими перлюстрациями.

Из этой справки явствует, что О. Р. Скарятин уже давно находилась под наблюдением царской агентуры за границей. Видимо, Скарятин только в 1866 г. решила оформить свои отношения с Л. И. Мечниковым и развестись с мужем. Очевидно, она сделала это ради дочери, которая получила фамилию отчима. В письмах Герцен, продолжая называть Ольгу Ростиславовну Скарятиной, Надю всегда называл Мечниковой.

Лев Ильич Мечников, замечательный разносторонне одаренный ученый и пламенный революционер, был для О. Р. Скарятиной тем человеком, встречи с которым желал ей Герцен: «Встретить энергию и ум — которые бы вас подавили, натуру сильную и изящную — которая бы вас вела».

Запутавшаяся в противоречиях женщина, стремившаяся найти свое место в жизни, встретила в Герцене отзывчивого и мудрого советчика, указавшего ей путь к разумной и осмысленной жизни.

ОГАРЕВ — С. Г. ВОЛКОНСКОМУ

Публикация Ю. Г. Оксмана

Письмо Огарева к декабристу С. Г. Волконскому написано под непосредственным впечатлением рассказов Герцена о его встрече в Париже с последним из оставшихся в живых руководителей Южного общества, другом и соратником Пестеля. Эта встреча произошла в конце июня — в самом начале июля 1861 г. (XXII, 314). Около 8 июля н. ст. Герцен был уже в Лондоне, так что наиболее вероятной датой письма Огарева к Волконскому является 8 или 9 июля 1861 г.

Князь Сергей Григорьевич *Волконский* (1788—1865) — генерал-майор, командир 1-й бригады 19-й пехотной дивизии, герой Отечественной войны, член Союза Благодетствия и Южного общества. После десятилетней каторги и двадцатилетней ссылки проживал под надзором полиции в Москве и в деревне дочери. В 1859 г. в первый раз выехал для лечения за границу; второе его пребывание за рубежом относится к 1860—1861 гг. Этой зимой с ним знакомится во Флоренции Л. Н. Толстой, обращающийся под впечатлением встреч с Волконским к замыслу романа о декабристах. Страницы о возвращении из Сибири в Москву Волконского (именно он является прототипом старика-декабриста Лабазова) Толстой читает в Париже И. С. Тургеневу и с большим удовлетворением передает его положительный отзыв с первых глав нового романа в письме от 26 марта 1861 г. к Герцену (Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 60. М., 1949, стр. 374). Незадолго до этого о встрече с Волконским пишет Герцену и сам Тургенев («Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену». Женева, 1892, стр. 139). Осведомленные о приезде Волконского в Париж, Герцен и Огарев 28 марта 1861 г. передают ему привет по случаю манифеста об освобождении крестьян (XI, 59). О том впечатлении, которое произвело затем на Герцена его знакомство с Волконским, мы знаем из нескольких источников. Самым замечательным из них является рассказ Герцена в его четвертом «Письме к будущему другу»:

«В 1861 г. (<...>) я опять почувствовал себя молодым студентом. Старик, величавый старик, лет восьмидесяти, с длинной серебряной бородой и белыми